

18+

Петр Илюшкин

Черно-белая моя граница

сборник статей

Петр Илюшкин
Черно-белая моя
граница. Сборник статей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55329363

ISBN 9785449834423

Аннотация

Статьи опубликованы в СМИ в 2005—2016 годах. Правдиво рассказывают о состоянии государственной границы в Чечне. Правда не понравилась генералам погранслужбы.

Содержание

ЖУРНАЛИСТИКА – СТРАШНАЯ СИЛА	5
А я люблю чиновников...	26
ОФИЦЕР СПЕЦНАЗА -«РУС ПАРТИЗАН»?	31
КАК ОДИН ПОДПОЛКОВНИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПОБЕДИЛ	34
10-ЭТАЖНЫЕ «ОТКАЗНИКИ»	41
ТЫЛОВИКАМ ЗАКОН НЕ ПИСАН?	44
Отводят удар	52
ДИАГНОЗ: «ОБЩАГА БЕЗЗАКОННАЯ»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Черно-белая моя граница

Сборник статей

Петр Илюшкин

© Петр Илюшкин, 2020

ISBN 978-5-4498-3442-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖУРНАЛИСТИКА – СТРАШНАЯ СИЛА

Правду писать мешают... погоны.

*«Кто ответит мне, что за дом такой
Почему во тьме, как барак чумной...»*

В. Высоцкий

Ночь. Страшный мрак казармы. Худенький солдатик-первогодок, выбиваясь из сил, противостоит пятерым здоровенным лбам-«дедам». Отбивая удары, он знает, что сейчас против него не только эти подонки, но и старшина с командиром роты, военная прокуратура и суд. Никому из них не хочется работать, наводить уставной порядок в казарме. Зачем, когда «зэковский» беспредел всех устраивает?

Эту жуткую, но обыденную аллегорияю я вспоминаю, когда меня спрашивают, может ли быть свободным военный журналист. «Конечно, может, – отвечаю я, – как тот солдатик, защищающий свою жизнь в пьяной полузэковской казарме».

Хорошо, если появится во время этой издевательской бойни авторитетный «дед», включит свет:

– Ша, братаны! За что бьете салагу? Что посмел покритиковать наш беспредел? И правильно сделал. А вы – неправы, впятером – на одного. Хотите драться, давайте уж один на один, по справедливости.

Думаете, я преувеличиваю? Тогда оцените ответ ВРИО начальника Северо-Кавказского регионального пограничного управления ФСБ РФ генерал-лейтенанта Валерия Путова, данный мне в присутствии гражданских журналистов:

– В разные времена к критикующим подходили по-разному. В Средние века их на костер вели, сжигали. Теперь, в более цивилизованные времена, с ними по-другому поступают.

Видимо, генерал подразумевает жестокие избиения и убийства журналистов, посмевших показать факты беззакония нашей жуткой действительности.

Этот же генерал, когда на меня и мою жену совершил нападение пьяный прапорщик из этого СКРУ, поначалу вообще проигнорировал мою просьбу защитить семью от агрессии, а на второе обращение цинично отвечивал:

– Изучите статью 18 Устава Внутренней службы и главу 5 Дисциплинарного Устава!

Мол, не по Уставу ты, подполковник, обращаешься!

Очень характерной была реакция другого генерала, нынешнего начальника СКРПУ ФСБ РФ – Николая Лисинского – на мою просьбу помочь разобраться в явных финансовых махинациях пограничной общаги. Вот его ответ:

«Тон, в котором написано Ваше „заявление“ мне считаю оскорбительным и нетактичным. Командование СКРУ рассмотрело Ваше „заявление“ и напоминает Вам, что военнослужащий в соответствии Устава ВС РФ подаёт рапорт... Военнослужащие... не возмущаются за содержание и оплату обслуживающего персонала, за исключением только Вас, сеющим нездоровое отношение среди обслуживающего персонала и проживающих жильцов».

Вот те раз! Его же клерки строго-настрого запретили

мне писать само слово «рапорт». Мол, твоё командование – в Москве, а «рапорт» подаётся по команде.

И второе. Жильцы-то как раз и возмущались несправедными поборами, и даже общее собрание с протоколом было. Так что непонятные обвинения выдвигает мне генерал!

Впрочем, непонятно поведение и его заместителя, тоже генерала. Когда его только-только назначили на Кавказ, я (согласно Устава), зашел представиться. И он изрёк:

– Илюшкин? Который плохие статьи о погранслужбе пишет? Я с тобой первый и последний раз разговариваю по-хорошему!

– Извините, а как будет во второй?

– Я поставлю вопрос о твоей высылке!

Не менее любопытные мысли изрекали при встрече со мной и другие чиновники этого регионального пограничного управления. То, что обещали засудить, я уже в расчет не беру. И что нецензурно выражались, на дуэль вызывали, тоже.

А вот начальник финслужбы СКРПУ полковник Сергей Яковлев решил своё мнение обо мне оформить письменно в послании редактору газеты «Ставропольский меридиан». Там он называет меня и «корреспондентом-следопытом», и Икаром, и саботажником. И резюмирует, что таким – место на гауптвахте, под арестом.

У читателя, видимо, давно возник вопрос – за что же так ненавидят чиновники СКРПУ скромного журналиста-под-

полковника? Может, он действительно нехороший человек, пьяница и просто непрофессионал, мешающий пограничникам на Кавказе зорко оберегать южные рубежи Родины?

Да вроде бы нет. Ведь ещё года два назад моё руководство из Москвы гордо сообщило начальнику СКРУ: «Рады Вам сообщить, что подполковник Пётр Илюшкин по итогам года занял первое место среди журналистов газеты «Граница России». И что «служебно-боевая деятельность СКРУ освещается на страницах газеты полнее и глубже, чем в других региональных управлениях...»

А ещё меня признали лучшим автором журнала «Пограничник», лауреатом конкурса «Литературной России» и Военно-страховой компании, неоднократным победителем фотоконкурсов Ставропольского края.

Военной машине гордиться бы таким приобретением. Но она, наоборот, поперхнулась и запротестовала. Мол, срочно заберите с Кавказа своего корреспондента, «очерняющего погранвойска» и «выносящего сор из избы».

В чём же выразилось это «очернительство»? К примеру, в том, что я опубликовал в гражданской газете (а военные не рискнули) материал о голоде на учебном центре в Ингушетии.

Реакция была предсказуема. Несмотря на точность информации (оттуда после статьи срочно госпитализировали почти 20 доведённых до дистрофии молодых солдат), командование СКРУ попыталось организовать уголовно-дис-

циплинарное преследование меня: «За сознательную фальсификацию фактов».

Причём в письме моему редактору начальник СКРУ сообщил что я фотографировал безштановых солдатиков, стоявших в строю и хотел эти снимки продать (о ужас!) за рубеж.

Представляете, где бы я находился в страшном 1937 году – после такого вот письма?!

К счастью, ныне уже другой век. Однако гнев начальника СКРУ в Москве в штабе погранслужбы, был услышан. И воспитательный отдел разослал в войска срочную телеграмму, предписывающую всем ведомственным газетам тщательно изучить мое творчество. И, понятное дело, заклеить позором.

Мое руководство тоже не осталось в стороне. Всем посткорам нашей газеты «Граница России» пришла депеша:

«Обращаю особое внимание на недопустимость конфликтов с руководством региональных управлений ФПС, пресс-службами, а так же публикаций, порочащих пограничную службу в местной „желтой“ прессе. Это чревато неприятностями, в первую очередь для самих посткоров, последствиями. Подполковник Илюшкин П. Н. попал в справку на доклад директору ФПС РФ, где по нему будет приниматься решение о переводе в структурные подразделения СКРУ, для дальнейшего прохождения службы».

Получив это послание, я сразу вспомнил мультфильм по сказке Киплинга. Помните, как Маугли сидел на дереве,

а свора злобных псов пыталась его достать? Никто и не подумал отдать героя в подчинение (читай «растерзание») собакам!

Впрочем, свое негативное отношение ко мне командование книжно-журнального издательства «Граница» никогда не скрывало. Вот мнение заместителя начальника КЖИ полковника Владимира Петрова:

«Цель военного журналиста – не публикация „бомбы“ в оппозиционной прессе, а решение проблемы. Петр Николаевич нарушает не только этические, но и служебные нормы поведения. При повторении подобного контракт с ним продлен не будет».

С этим мнением, надо полагать, согласен и сам начальник КЖИ полковник Александра Калиниченко: «Если редактор не публикует Ваши материалы? Он за все отвечает. Его накажут, выгонят с очереди на квартиру. Не надо заниматься подставой нас! Надо сочетаться с нашими корпоративными интересами!

А еще мой начальник сурово меня спросил:

– Зачем говорить гражданской тете Маше, что тыловик Сидоров – негодяй? Зачем ей это? Я что-то не пойму!

А я, господин полковник, что-то не пойму, зачем и для кого в Конституции записано: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова... Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

Кроме того, любая «тетя Маша» налоги платит – из своего тощего кошелька – на содержание всех силовых структур. И просто обязана знать, насколько хорошо отрабатывают ее деньги эта охрана. И насколько хороши в армии условия службы ее родного сына.

Непонятно только, почему эти очевидные аксиомы не для всех очевидны. Тем более, что военный корреспондент даже в силу своих служебных обязанностей должен (цитирую):

«Смело вскрывать недостатки в стиле и методах работы отдельных командиров, отрицательно влияющие на результаты службы. Добиваться, чтобы критика... помогала искоренению недостатков».

Кроме того, наша обязанность «постоянно и объективно информировать на страницах газеты „Граница России“ как военнослужащих, так и гражданское население страны... по проблемам охраны и защиты ее рубежей».

Казалось бы, редактор должен рвать и метать если корреспондент не выполняет эти обязанности. А у нас получается, что очевидное становится невероятным!

Это тем более странно, что руководство погранслужбы требует от военной прессы не ура-патриотических, а критических, проблемных материалов. Об этом нам сказали в январе 2003 года на сборах в Москве. Причем меня (к моему удивлению) называли единственным, кто это требование выполняет – профессионально и смело.

И что же другие журналисты? Когда я их спрашивал, нач-

нут ли они смело вскрывать недостатки, они крутили пальцем у виска:

– Мы что, сумасшедшие? Флюгер развернется, а мы останемся без квартир, льгот и всего прочего. Зачем высовываться?

Приехав назад, в Ставрополь, я решил провести исследование на тему: «Может ли быть свободным военный журналист». И первым делом обратился к своему коллеге, редактору «окружной» газеты «На рубежах Родины» подполковнику Эдуарду Рагимову. Его ответ в общем-то был прогнозируем:

– Мы все от кого-то зависим. Если я чем-то недоволен, то могу сказать об этом на кухне. У нас, военных, есть люди, которые за тебя думают. Ну а то, что ты пишешь о недостатках войск в гражданскую прессу, считаю неэтичным. Тебя ведь погранслужба финансирует, ты погоны носишь. Не плюй в колодец, из которого воду пьешь!

Любопытно, что его подчиненный, ответственный секретарь Александр Дыдынский, мнения совсем иного:

– Свободным военный журналист быть не может. Потому что это чревато серьезными последствиями – начиная от выговора и заканчивая увольнением по служебному несоответствию.

А что по этому поводу думает пресслужба СКРПУ? Ее начальник подполковник Сергей Ливанцов вообще отказался отвечать на незатейливый, в общем-то, вопрос с формулировкой: «Потому что не считаю нужным!»

Его подчиненный майор Владислав Козлитин оказался более разговорчив:

– Если человек получает деньги в военной газете, он должен работать в интересах этой структуры. Ведь, надевая погоны, мы добровольно ограничиваем себя во многом. Поэтому, узнав о каком-то негативе, не совсем порядочно выносить эту информацию за территорию забора.

Может быть, все люди в погонах так думают? Или это «издержки» только лишь военной прессы и пресслужбы? Разговаривая с людьми, я пришел именно ко второму выводу. Все сходилось к мысли, высказанной подполковником Владимиром Машкиным:

– Военный журналист должен быть независимым. И в первую очередь защищать интересы военнослужащих, а потом уже писать о цветочках-лютиках. У нас же чиновники не хотят выполнять элементарного – ни своих обязанностей, ни Устава, ни закона! И заставить их нормально работать может только публикация в свободной прессе.

Очень интересное мнение высказал бывший офицер, а ныне ответственный секретарь газеты «Ставропольские губернские ведомости» Анатолий Фишкин:

– Странный вопрос ты задаешь. Ведь взаимоотношения в армии определяются афоризмом типа «Я начальник, ты – дурак». Поэтому любая ведомственная газета по определению не может быть свободной. И вообще, вся военная пресса – это одна большая пресслужба. А задача пресслужбы –

защитить честь мундира. И скрыть, насколько это возможно, негативные факты.

Кстати говоря, о подобном сокрытии с гордостью говорил нам один генерал, имеющий отношение к прессцентру погранслужбы России. Когда, мол, банда Гелаева свободно прошла через границу (ее, к своему немалому удивлению, обнаружила в Ингушетии «пехота»), их служба потратила гигантские усилия, дабы о проколе погранцов никто не узнал.

Кстати, говоря, я был единственным журналистом, вовремя предупреждавшем о возможной трагедии в том самом месте. Речь шла о голоде и беззаконии на учебном центре.

Вместо наведения порядка начальник СКРУ свой гнев обрушил на меня. И что же? Сначала происходит массовый расстрел своих – своими же погранцами, затем – свободный проход (все там же) огромной банды...

Предупреждал я также о неминуемо надвигающейся трагедии на одной из погранзастав в Чечне. И что командование? Один генерал своей рукой начертал на рукописи: «Нытье хлюпиков нельзя смаковать. Мы же не НТВ!»

Статью, естественно, не опубликовали. Мер по наведению порядка не предприняли. А на той самой заставе солдат в упор застрелил офицера...

На другой моей статье – о расстреле в Чечне солдатами своих сослуживцев – уже военный прокурор начертал: «Публикации не подлежат!»

А мое начальство выразилось чуть иначе: «Страшно написал». И, конечно, не опубликовали. Зато напечатали (целыми полосами!) рекомендации... по разведению кроликов да размышления ветеранов.

Ну а я пошел со своим наивным вопросом о свободе журналиста к редактору Ставропольской телерадиовещательной компании Оксане Бармуте. Она не раз бывала в «горячих точках», и прекрасно разбирается в военной теме. Вот ее мнение:

– Все зависит от СМИ, где работает военный журналист. Если газета рассчитана на «сладкую» подачу, лишённую объективности, то проблем у корреспондентов с командованием не будет. Но очень хочется надеяться, что у высокого начальства хватит мудрости понять, что военный журналист о любом недостатке в войсках напишет добротнее, качественнее гражданского коллеги. Ведь рано или поздно известие о зле всплывает. Но нельзя же допустить, чтобы это зло, поначалу маленькое, разрослось до невероятных размеров.

Такое же мнение высказал и собкор «Парламентской газеты» по Северному Кавказу Александр Быков:

– Нормальный командующий, читающий свою прессу, обязательно спросит: «Где критика?» Ведь даже в советское время все руководители понимали – «снизу» чиновники многое замалчивают. А потому во многом полагались именно на газетчиков.

– Ну а сейчас что случилось, почему некоторые военные

чины так бояться правды?

– Главное – это дурь «верхов», непонимание того, что военный журналист вскроет проблему профессионально и предотвратит худшее. Нельзя сбросить со счетов искаженный взгляд на корпоративность. Ну и страшная коррумпированность, непрофессионализм и многое другое. Какая уж тут правда!

Так же критичен и Уполномоченный по правам человека по Ставропольскому краю Алексей Селюков, у которого я состою в Экспертном совете:

– Корпоративщина в военной среде довела до полной потери доверия к армии. Вот недавний пример: военнослужащий сначала сексуально домогается молоденькой девочки, а затем убивает ее. И продолжает ходить на службу! А военный прокурор нам сообщает – мол, у него же двое детей, их кормить надо. Что за цинизм, что за круговая порука!

– Считаю, – продолжил Алексей Иванович, – что только свободным военный журналист представляет интерес для общества. Ведь выявление и бичевание недостатков армейской жизни – его профессиональная обязанность.

Почему же тогда военные газетчики уклоняются от своих прямых обязанностей? Нежели, заметив беззаконие, молчат и даже спят совершенно спокойно?

Более того. Когда офицеры границы пишут в свою газету о безобразиях, их просто не публикуют. Недавно вот офицерское собрание N-й воинской части из Владикавказа при-

слало в редакцию «На рубежах Родины» горькую исповедь о своем униженном безквартирном выживании.

Опубликовали? Конечно же нет. Более того, когда я направил офицерское письмо в гражданскую газету, разразился «политический» скандал. Прессслужба СКРПУ начала срочно выискивать мои статьи во всех СМИ, а руководство «окружной» газеты запретило своим сотрудникам брать мои материалы.

Меня, в общем-то, все это не удивило. С подобными «ответами» на «вынос мусора из армейской избенки» я встречаюсь лет 20, с лейтенантских времен.

Но тогда были тоталитарные времена, и на военной газете честно указывалось, чья она «содержанка» – политотдела.

Времена вроде бы изменились, Россия пытается жить по европейским цивилизованным правилам. А монстры у нас – все те же! Как тут не вспомнить «Черный дом» Владимира Высоцкого, где все «скисли душами, опрыщавели», и «долго жить впотьмах привыкали».

– По-другому быть не может, ведь 4 поколения у нас выросли в тоталитарном режиме! – подтвердил мои мысли член международной ассоциации журналистов, член Союза журналистов России, редактор газеты «МК – Кавказ» Харун Акбаров.

И любой журналист – оттуда родом. А кто пытается вопреки всему сказать правду, должен стать «брэндом», которым дорожат. Иначе его просто уволят или вынудят самого

уйти.

О том, какое страшное давление идет на военного журналиста, я уже рассказывал. Это и угрозы физической, судебной расправы, и прямые нападения на меня и мою семью, и отправка кляуз командованию погранслужбы в Москву, и многое другое.

Кроме того, я, офицер центрального подчинения, имеющий более 20 лет выслуги, прозябаю с женой и двумя малолетними детьми в антисанитарных условиях общаги СКРПУ (на каждого члена семьи приходится менее 4 кв. метров!).

Более того, мне, журналисту центральной пограничной газеты, даже не выделено оборудованное оргтехникой помещение. И я, в наш-то компьютеризированный век, пишу свои корреспонденции от руки, ночью в вонючей общажной кухне (чтоб не мешать детям спать в крохотной комнатухе).

А моя родная московская контора, не обеспечив меня абсолютно ничем, требует статей о героической службе погранцов в «горячем» регионе.

Я, как истинный военный, обязавшийся «стойко переносить все тяготы военной службы», плюю на гнилой быт, и пишу рапорт на командировку.

Думаете, еду? Как бы не так. Начальник СКРПУ отписывает мое «прошение» своей прессслужбе или воспитательно-му отделу. Те, естественно, пишут, что я к ним никакого отношения не имею. И я, конечно, никуда не еду.

Или вообще чудовищная резолюция: «Это не его те-

ма!», наложенная на мою просьбу выехать в район Тузлы. Опять же резолюция – не мне, а воспитателям, пресслужбе и даже почему-то... газете СКРУ «На рубежах Родины».

И пока мой рапорт «гуляет» в пыльных недрах некоего «черного дома», я сижу в общаге и наблюдаю за «тузлинским кризисом» по телерепортажам.

И вспоминаю, что Уголовный кодекс (ст.140) предусматривает наказание «за злостное воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналистов».

Но обращаться за помощью в суд или прокуратуру – бессмысленно. Ведь военная прокуратура в ответах на мои запросы фактически узаконивает выявленные мною беззакония. А г-н председатель военного суда Ставропольского гарнизона вообще запрещает мне присутствовать на открытых (!) судебных заседаниях, мотивируя это тем, что... не знает Закона «О СМИ».

И как в таких условиях работать журналисту? Согласен ли кто-то такой ценой оставаться «вольным стрелком» – всем запретам вопреки? Тем более, что даже «певец вольности» Высоцкий рекомендует бежать из «Черного дома» башку очертя туда, где люди живут.

Но кто тогда поможет пограничникам, потерявшим надежду найти справедливость в своем «черном доме»? Суд прокуратура, командование? Хотелось бы верить, но...

– Здравствуй, мятежный корреспондент! – приветствуют

меня офицеры в штабе СКРПУ, у нас опять проблемы, а надежда только на твою помощь...

«Обыкновенно это люди звериного образа, с включенной, нечесаной головой, с соломой и пухом в волосах, не признающие пепельниц и плевательниц, берущие займы без отдачи, лгущие, пьющие, шантажирующие».

«Тритирует всех жильцов, создает конфликтные ситуации, демонстративно умывается, чистит зубы, смаркается на кухне, где жильцы моют посуду и продукты питания; привел „бомжа“; постоянно приводит желтую прессу; собатировал перепись населения; пастаоянно нам хамит...»

Знаете, что связывает и разделяет эти две цитаты? Обоих журналистах. Первая принадлежит блистательному перу великого Чехова, который остро высмеял драматургов, «рисующих» образ эдакого одичавшего журналюги.

Вторая написана на 120 лет позже. И является шедевром коллективной мысли целой плеяды прапорщичьих, ефрейторских и пенсионерских, обитающих в славной общаге славного града Ставрополя. И написан сей знаменитый донос супротив, как вы догадались, журналюги. Но уже своего, родного, пограничного.

Причем звание у него, этого поистине «дикого помещика», почему-то аж подполковничье. Зато, (ха-ха!) несмотря на московское подчинение, принадлежность к самой главной пограничной газете, 23-летний стаж военной службы, живет этот представитель «ненавистного офицерья» вместе

с семейством в общажной крохотной конуре. И на человека там приходится по 4 квадратных метра, как на гауптвахте.

«Так ему, однако, и надо! А то пишет и пишет свои негодяйские статьи о казнокрадстве и преступности. И хоть бы не трогал общагу, в которой много нарушений! А то ведь... доблестные тыловики угрожают: мол, ежели не поможете выгнать из войск зарвавшегося журналюгу, то общагу прикроем...»

Пожелания эти нашли, конечно же, теплый отклик у некоторых жильцов, а также вахтеров, уборщицы и комендантши. Губерния, как говорится, пошла писать. Правда, с грубейшими орфографическими ошибками. На которые, надо полагать, в страшном тридцать седьмом году внимания Берии – ежовы вовсе не обращали.

Видимо, некоторые типажи, с радостью подписывающие любые доносы, это всего-то призраки из страшного прошлого. Иначе как объяснить их клевету, направленную в Москву: «Мы не можем припомнить за последние годы ни одной статьи, которая пропагандирует положительные стороны жизнедеятельности погранвойск. И как мог человек попасть в ряды корреспондентов. Создается впечатление о его профессиональной непригодности, так как по многим вопросам жизнедеятельности погранвойск он не имеет представления и не владеет не только военной терминологией, но и элементарными знаниями русского языка...»

Во как! И кто же эдак судит корреспондента централь-

ной военной газеты России? Очень, очень это показательно! Особенно если учесть, что они не только моих статей не читали, но и любых других.

Как тут не вспомнить знаменательную песню о марионетках и их скрытом кукловоде: «Ах, до чего ж обидно, что хозяина не видно...»

Не знаю, такого ли «хозяина» указала в своей жалобе на мою, якобы, «хулиганскую деятельность» вахтерша общаги Петрова Л. И.? Она так и писала в Москву – мол, на это ее подвиг начальник тыла СКРПУ ФСБ РФ генерал-майор Николай Федотов (ныне уволенный).

Причем ее клевета была не столь безобидна, как предыдущие жильцовские измышления о «бомжах» и всем прочем. А содержала она очень конкретное обвинение. В совершении мною, старшим офицером центрального подчинения, уголовного деяния – то бишь, хулиганства. Правда, вахтерша уточняла, что свидетелей преступления нет.

Мне, естественно, пришлось обращаться в суд – за защитой чести, достоинства и деловой репутации. Причем никакой «крови» я не жаждал, а всего лишь просил вахтершу написать опровержение.

Но она, как говорится, стояла насмерть. И помогали ей в этом... Не поверите! Два главных «правовика» СКРПУ (ныне они не служат здесь) – начальник отдела правового обеспечения полковник юстиции Василий Хоменко и его заместитель подполковник юстиции Владимир Юдин. Во как!

Но они, понятное дело, пришли не сами по себе. Их, как пояснил Хоменко, прислал один ба-а-а-альшой генерал (ныне уволенный). Во как!

И они, понятное дело, честно отработывали свой хлеб насущный. Юдин, к примеру, назвал меня почти террористом. А его шеф Хоменко вообще обвинил меня (причем совершенно голословно) в клевете на пограничную службу всей России!

Ну а неожиданно (или «жданно»?) появившиеся «свидетели» моего «хулиганства» хоть и подтвердили, что никакого хулиганства-то и не было, но плели такую чушь, что у судьи уши вяли.

К примеру, прапорщик Еремеева вместе с комендантшей Омельченко очень красочно рисовали... мою колдовскую деятельность – мол, всю общагу заколдовал).

Омельченко же договорились до того, что попытались учить судью, достав выдержки из какого-то буклета...

Конечно же, судья слушал такую откровенную бредятину, схватившись за голову. И удивленно – скорбно вопрошал: «И это – погранвойска? Какая речь может быть о защите границ!»

И вынес, конечно же, единственно верное решение – чтоб писала вахтерша опровержение, и никаких гвоздей!

...Очень показательную фразу после заседания суда бросил мне муж вахтерши, бывший прапорщик (кстати, приехавший на собственном «Мерседесе»): мол, начальник СКР-

ПУ генерал-полковник Лисинский сказал, что меня, журналиста, нужно сажать в тюрьму.

Странно, странно. Ведь генерал Лисинский лично говорил мне, что мои критические статьи очень помогают в наведении порядка. Мол, уволены же начальник тыла генерал Федотов и другие...

Кому ж поверить – уважаемому генералу или бывшему прапорщику? Впрочем, не этот вопрос главный. Важнее вычислить «кукловода», стоящего за марионетками, повывлежавшими страшными призраками из 37-го года. Иначе он остановит развитие России, ввергнув ее в те ужасные кровавые времена...

А я люблю чиновников...

Любой, завидя вышеобозначенный лозунг, быть может, удивится. Объясню причину столь странной любви.

Да, я действительно люблю всяческих бюрократов. Ибо оные есмь самое бесценное сокровище всех времен и народов. Просто страшно подумать, какое горе постигло бы писателей и поэтов без трепетного участия великих и могучих бюрократов! Разве написал бы Владимир Маяковский без них такие вечности, как «Прозаседавшиеся» или «Разговор с фининспектором о поэзии»? И знали бы мы, кто такой Аркадий Райкин?

Причем наших чиновников всегда отличала потрясающая скромность. Все свои великолепнейшие перлы они дарят всяк попавшему в их паутину совершенно бескорыстно. Посетителю остается только самая малость: стремглав вылететь из уютного кабинета и, погасив гнев, срочно записывать вдохновенные речи хозяина мягкого кресла. Что я и сделал совсем недавно после милого разговора с почти фининспектором.

В общем-то, ни о поэзии, ни о других литературных жанрах с начальником финансово-экономического отдела СКРУ полковником Яковлевым я беседовать не планировал. Цель моего визита была совсем проста: получить деньги за давнишние командировки. Ну и заодно направить товарищу

Яковлеву очередной, четвертый по счету, рапорт в слабой надежде, что он ответит. Ничего криминального в бумаге я не излагал, а просто интересовался судьбой выделенных нашей пограничной газете спонсорских средств. Ну и еще навивно вопрошал, согласно каким таким судебным решениям с меня начальником финслужбы удержаны «суммы задолженности за два месяца проживания в общежитии».

Справедливости ради отмечу, что полковник не ответил лишь на два тех, прошлогодних еще, запроса. На другие же присылал сообщения регулярно, в строгом соответствии с нормами рассмотрения документации. А вот другой начальник, но уже квартирно-эксплуатационного отдела СКРУ, полковник Бескоровайный ни на один из шести моих рапортов не ответил...

Так вот. Стою я возле кассы и жду получения своих кровных денег. И даже открываю чемодан, чтобы все влезло. Ведь одна из командировок была в Чечню, где суточные исчисляются в тройном размере.

Но что это? Проигнорировав штамп и печать Итум-Калинского погранотряда, чья-то рука вписывает даты прибытия-убытия в «мирную» часть. Правда, пустой штемпель этой части мне действительно поставили. Но ни зарегистрировать, ни тем более заверить гербовой печатью не успели. Потому что был вечер, а рано утром следующего дня мы вылетели в Чечню. Обратным ходом поработать в той же части не удалось. Соответственно, один день мне никто не оплатит.

Впрочем, меня это не расстроило, потому что важнее было сэкономленное авиацией время.

А тут – на тебе! Что называется, не верь глазам своим: в пустом штемпеле неожиданно проявились цифири. Ежели б вписал их я, то неминуемо сурово-праведное недремлющее око кое-кого из финслужбы тут же узрело бы в этом жуткий факт ужасного должностного подлога с целью агромадного личного обогащения.

Но цифири те вписала рука самого полковника Яковлева. Лично! И вот, дабы прояснить туманную ситуацию, я и направился к его кабинету. Но на самом подходе узнал о большой московской комиссии, как раз проверяющей трудовую деятельность ФЭО СКРУ. И как всякий журналист не мог пройти мимо.

Тут-то меня и застал начальник финслужбы: «Если мне не доверяете, пишите в Москву!»

Он имел в виду свои предыдущие ответы, согласно первому из которых обещал компенсировать мне плату за содержание ребенка в детском саду, но во втором писал: «Не положено». Причем в обоих случаях ссылался на один и тот же приказ.

Вот у меня и возник наивный вопрос: «Ежели не положено, значит, все мы получали компенсацию зазря, грабив наше бедное государство?»

– Вы напишите рапорт о добровольной сдаче денег! – тут же присоветовал мне начальник ФЭО. И, завидя мое

командировочное удостоверение со своими правками, добавил:

– А ты докажи, что ты был в Чечне! Пусть оттуда пришлют телеграмму с доказательством. А я вижу, что ты был в «мирном» отряде.

– Но ведь это был пустой штампель, без чисел и печатей!

– Ну и что? Это и есть отметка о командировке.

– Как? Без отметки, подписи и печати?

– Да!

– Тогда из следующей командировки можно привозить бланк без печати?

– А вы мне не угрожайте!

– Извините, а где можно увидеть положение, регламентирующее правила регистрации командировочных?

– Как где? Внимательно изучайте свой бланк, там все сказано!

Как это я сам раньше не догадался о таком поистине гениальном решении. Смотрю на документ и... не верю своим глазам. Черным по белому ясно изложено: «... заверенное подписью и печатью». Это о времени пребывания.

– Так получается, вы не правы, – обращаюсь к полковнику, – что же делать?

– Что, что! В суд обращайся!

Да уж. Пришел я домой и решил посмотреть в словаре Ожегова, что значит слово «произвол». Оказывается, сие есть – отсутствие логичности.

Но, как мне кажется, своя собственная логика есть у самых непонятных действий. Вот только находит ее или суд, или талант, равный Аркадию Райкину.

ОФИЦЕР СПЕЦНАЗА -«РУС ПАРТИЗАН»?

В Дом правосудия Ставрополя я пришел за защитой нарушенных прав моего ребенка-инвалида. И никак не ожидал я, что именно здесь, в этом «Храме Фемиды», мои права будут грубо нарушены. На выходе из зала заседаний нас с адвокатом встретил судебный пристав (не сообщивший свою фамилию), и обвинил меня в каком-то абсурде, навеявшем мысли о фашистской оккупации. Меня, русского офицера с погонями подполковника (место службы – центр спецназа), пристав обвинил... в распространении неких листовок!

Как не вспомнить о русских партизанах, в условиях оккупации расклеивающих листовки с призывом очистить Родину от фашистов?!

Когда я спросил, в каком именно преступлении или правонарушении обвиняют, и попросил назвать конкретные статьи Уголовного Кодекса РФ (либо КоАП РФ), пристав ничего ответить не смог. Вместо этого сказал, что узрел на видеосъемке, как я подходил к некоему человеку, сидевшему в коридоре, и передал ему некую бумагу. А бумага, де-мол, и является зловердной листовкой.

Правда, ничего мне не смогли пояснить, под какую именно статью УК РФ или КоАП РФ законодательство подводит это самое «распространение листовки». И самое главное –

причем здесь судебные приставы.

Видимо, приставу крайне не понравились мои вопросы, и он грубо потребовал следовать в некий кабинет: «Для дачи показаний». И пригрозил вызвать наряд полиции.

Поведение пристава показалось мне неадекватным, грубо нарушающим закон. Но слова пристава все мне разъяснили. Оказывается, приставы уж год как злятся на меня за статью на ФОРУМе. мск – о том, как они грубо нарушают закон и тотально проверяют вещи любого, заходящего в общественное здание. Там же, на ФОРУМе. мск, приставам не понравилась статья о том, как мировая судья Ж. Романова судила мертвую женщину...

Что, приставы устроили мне провокацию, чтобы отомстить за статью? И для этого положили на стол некую статью, обозвав ее «листовкой» (якобы я ее принес)? Ну а если я откажусь выполнять какое-либо незаконное требование приставов, тут-то они и вызовут полицию.

А может быть, приставам наказали так действовать их старшие товарищи из Москвы? Ведь именно столичные приставы 4 года ничего не делают для исполнения решения суда, обязавшего должника-директора ФСБ предоставить мне (и ребенку-инвалиду) жилье. И уже в мае жалобу об этом рассмотрит Европейский суд по правам человека.

...Но приставы не учли, что со мной в суде находился опытный адвокат. Вместе мы проследовали в некий кабинет. Где адвокат тщетно пытался разъяснить этим товарищам,

что действия их абсолютно незаконны. Что любого военнослужащего, которого они заподозрят в чем-то, они должны направить в военную комендатуру, а не насылать на него полицию.

Приставы, разглядывая мое удостоверение личности офицера, безапелляционно заявляли, что оно недействительное, а я вообще никакой не офицер... Это что, клевета в отношении русского офицера?! Что, приставы желают возбуждения в отношении них уголовного дела по ст. 129 УК РФ? Или по ст. 301 УК РФ (незаконное задержание)?!

За эти незаконные деяния приставы, грубо нарушившие закон, должны быть уволены. Иначе придется ставить вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении приставов, и резком сокращении всей этой раздувшейся структуры. Хотя...

Может, приставы намекают на то, что назрела необходимость партизанских действий в условиях вражеской оккупации?!

КАК ОДИН ПОДПОЛКОВНИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПОБЕДИЛ

«Бомж» и «офицер» – понятия абсолютно несовместимые. Об этом еще два года назад жестко и четко предупредил Верховный суд РФ, когда отдельные «дурные командармы» пытались уволить офицеров без жилья. Предупредила таких «дуркомов» и Главная военная прокуратура – аксиома, основанная на ст. 23 ФЗ «О статусе военнослужащих»: без жилья офицера уволить невозможно.

Велико же было мое удивление, когда мне вручили послание пограничного кадровика Решетова, что я уволен без жилья. Демарш этот я сразу же сравнил с нападением фашистов на СССР – без объявления войны, внезапно, подло.

Так и хотелось спросить кадровика: с какого такого дуба он рухнул, когда писал свое послание? Ведь меня долгих шесть лет не могли уволить, так как вышестоящий начальник Решетова (директор ФСБ РФ) не исполнял решение суда и не давал мне положенного по закону жилья. Соответственно, подчиненные должнику – директору ФСБ структуры не имели права меня увольнять до того, как их «шеф» не исполнит решение суда!

Удивило и другое. Ровно за сутки до решетовского письма Страсбург, Европейский суд по правам человека, вынес решение по делу «Илюшкин и другие против России», кото-

рым обязал Россию предоставить мне жилье.

А Решетов пишет, что приказ о моем увольнении подписан... ровно за сутки до вердикта Страсбурга! Поразительные совпадения, не правда ли?! А может, это никакие не совпадения, а мерзкая месть за победу в Страсбурге?

То, что это скорее именно месть, а не закон, подтвердили дальнейшие события. Ведь на мою жалобу, адресованную директору ФСБ (о незаконности увольнения без жилья), пришел ответ... от того, на кого я и жаловался. Ответил мне не лично директор ФСБ, и даже не его заместитель, а... «главный кадровик» погранслужбы генерал Стрельцов.

Генерал, не утруждая свое «высокоблагородие» ответами на мои многочисленные доводы (обоснованные законами), просто, по-рабоче-крестьянски пишет: «...увольнение Вас произведено в соответствии с законодательством РФ. Правовых оснований для отмены приказа погранслужбы (об увольнении Вас) не имеется».

Это послание странно хотя бы потому, что тот же самый генерал Стрельцов два года назад лично написал, что уволить меня без обеспечения жильем невозможно.

Тогда, два года назад, какой-то «командарм» решил уволить меня без жилья. Вот и пришлось писать мне «наверх», что такое увольнение – грубейшее нарушение всех законов. И генерал Стрельцов мои доводы подтвердил, запретив увольнение.

Генерал Стрельцов забыл про то свое письмо? «Или пе-

регрелся на Канарах!» – прокомментировали его странный демарш мои знакомые юристы. Ведь именно Стрельцов подписал приказ о моем увольнении!

Уже сам «подписант» вызывает удивление. Ведь приказы о приеме и увольнении всегда должно подписывать только первое лицо – будь то погранслужба или сельская школа. И меня принимал на военную службу никакой не заместитель, типа г-на Стрельцова, а только первое лицо погран-службы.

Впрочем, не это главное. Главное – что послужило причиной внезапного увольнения меня с военной службы.

Служил-то все 32 года безупречно и в Средней Азии, и на Северном Кавказе, был и в Афганистане, и в Чечне. Медали так и называются: «За безупречную военную службу». Есть даже награды от глав иностранных держав. И эту мою безупречность никто не оспаривает. Неспроста же местом моей военной службы сделали подразделение спецназа!

Тогда что? В чем причина? Когда спящий ишак вдруг вскакивает и орет благим матом, причина понятна – его куснула страшная каракумская муха демирсиннек. Ну а какая страшная муха укусила пограничных кадровиков, которые вдруг решили вопреки закону уволить офицера без жилья?! Причем, похоже, это мое увольнение – сугубо «кадровиковская» затея.

Ведь «фигуранты» этого умысла – только два кадровика: полковник Решетов из Карачаево-Черкесского по-

гран-управления (направивший документы в Москву) и генерал Стрельцов (быстренько сочинивший приказ о моем увольнении).

Возможно, незаконное увольнение – это месть за вопросы, которые я задавал? Например, почему начальник этого погрануправления, получив от прокуратуры официальное предписание о том, чтобы генерал-полковник Николай Лисинский сдал незаконно удерживаемую служебную квартиру, быстренько эту квартиру... отдал г-ну Лисинскому в собственность?

Или другой вопрос тому же командиру: почему он фактически подарил трехкомнатную квартиру генералу Александру Мурзину, служащему в далеком Пскове?

Или другой вопрос: почему тот же командир не исполняет решение суда в отношении целого пограничного дома? И таких вопросов – несть числа.

И все они, надо полагать, крайне не нравятся ни командиру части генералу Узикову, ни его кадровику Решетову. Может, незаконным увольнением эти двое решили избавиться от моих неудобных вопросов?

– В чем причина моего увольнения? – напрямую спросил я г-на Решетова.

И услышал нечто, похожее на простодушно-наивное:

– Судебная практика изменилась.

Очень странная причина! Во-первых, кадровик – это не судья, чтобы ссылаться на «судебную практику». Во-вто-

рых, свежая судебная практика говорит как раз об обратном: уволить без жилья офицера невозможно. Решетов же ссылается на некое решение суда... шестилетней давности, причем по совершенно другим параметрам!

Но больше всего меня удивило, что человек, дослужившийся до полковника, лжет. Решетов сначала мне сказал, что забыл привезти в Ставрополь выписку о моем увольнении. А затем сказал, что не помнит, кто подписал тот приказ.

Вот и вырвалось у меня:

– Раз вы лжете, в суде у вас шансов нет!

Может быть, именно эта огромная ложь и заставила юриста Дракина (представителя командира части генерала Узикова) вести себя на судебных заседаниях очень странно?

Он представлял суду абсолютно нечитаемые ксерокопии каких-то бумаг, выписки из приказов об увольнении какого-то неизвестного мне офицера. Требовал сделать заседания суда закрытыми, ссылаясь на страшную секретность выписок из приказов о моем увольнении. Причем мотивация этой секретности – типа того, что я обязательно разыщу и уничтожу того генерала, который осмелился подписать приказ о моем увольнении.

Юрист Дракин и вел себя неподобающе. Мало того, что он постоянно потел, он постоянно унижал моего представителя (очень серьезного, умного адвоката).

Видимо, считая себя умнее судьи, представители двух генералов – Узикова и Стрельцова – пытались увести его от те-

мы судебного иска. К примеру, я обжаловал неправомерность приказа о моем увольнении, а они пытались навязать тему «соблюдения процедуры увольнения» – то бишь проводили со мной беседы или нет, начислили мне деньги или нет.

На слова прокурора, выступившего в мою защиту, они пренебрежительно высказались в том смысле, что прокуратура им не указ.

На слова прокурора о том, что Европейский суд по правам человека обязал Россию предоставить мне жилье до увольнения, они тоже высказались пренебрежительно.

Слова о том, что у меня ребенок-инвалид с серьезнейшим диагнозом «детский церебральный паралич», которому необходима специально оборудованная квартира, они просто проигнорировали.

Да и как они отреагируют, если их шеф, генерал Узиков, на неоднократные мои просьбы предоставить мизерную материальную помощь неоднократно мне отказывал...

Судья, внимательно выслушав и оценив все представленные доводы и доказательства, вынес единственно правильное решение:

«Заместитель руководителя ПС ФСБ (генерал Стрельцов), проигнорировав вступившие в законную силу судебные постановления Ставропольского гарнизонного военного суда, в нарушение вышеуказанной правовой нормы, уволил Илюшкина с военной службы до обеспечения его жильем..., а командир в/ч 2011 (генерал Узиков), во исполнение непра-

вомерного приказа об увольнении заявителя с военной службы, исключил его из списков личного состава части».

Суд обязал этих двоих генералов отменить свои приказы о моем увольнении и восстановить на военной службе! Решение вступило в законную силу 17 октября.

Победа разума и закона? Безусловно!

Но остался горький осадок от «телодвижений» сих типажей. Ведь на суде у меня возникло стойкое мнение о страшном загнивании пограничной службы, вызванном действиями таких чиновников, как Стрельцов, Узиков, Решетов. Они что, смелые только тогда, когда нужно срочно и незаконно уволить честного офицера? Они боятся реального вооруженного врага и разбегутся при малейшей угрозе нападения на Россию?

Видимо, вслед за реформированием МВД пришел черед почистить и погранслужбу! Иначе любое нападение на нашу страну обязательно завершится распадом Руси...

10-ЭТАЖНЫЕ «ОТКАЗНИКИ»

В Ставрополе командир части отдал спецжилфонд «в управление» коммерческой фирме, обязав военнослужащих оплачивать услуги из своего кармана.

– Не может быть! – воскликнет читатель. – В армии все делается своими силами – квартирно-эксплуатационными, есть свои, военные, законы и приказы.

Так-то оно так. Однако пару лет назад все это не помешало пограничным командирам в Пятигорске заключить с фирмой-автомойкой договор... на мойку военных машин. За огромные, надо сказать, деньги. Правда, безобразие это продолжалось недолго – благодаря надзорным органам.

Но почему те же надзорные органы не видят нарушений в действиях командира погранчасти 2432 полковника А., который отдал «в управление» компаниям огромные 10-этажки, находящиеся на балансе воинской части (якобы Жилищный кодекс обязует выбрать управляющую компанию)? При этом услуги коммерсантов оплачивают сами погранцы, проживающие в служебном жилфонде, хотя все регламентирующие документы обязывают командование обеспечивать его эксплуатацию своими силами.

Именно для этой цели существует в штате воинской части квартирно-эксплуатационная группа с электриками-сантехниками и другими специалистами. Только почему-то обслу-

живают эти «квартирмейстеры» лишь малую часть специализированного жилищного фонда (общежитие).

Кроме того, командир не имеет права отдавать «в управление» коммерческой компании жилфонд воинской части, поскольку не является его собственником. Но этот пункт, похоже, не особенно волнует участников военно-фирмового междусобойчика. Коммерсанты «забили» в договор условия, согласно которым всё, что они соорудят над домами и в подвалах, будет их частной собственностью. Но как? Ведь эти здания являются собственностью государства!

Раньше специализированным жилищным фондом занималась в/ч 2453 – заключала договоры и оплачивала коммуналку. К сожалению, законопослушную часть расформировали, а ее правопреемник – погрануправление ФСБ по Карачаево-Черкесской республике – поручил заниматься спецжилфондом в Ставрополе своему подчиненному – в/ч 2432. А там решили заняться фондом выборочно, и теперь обслуживают только маленькое общежитие.

Что касается домов-«отказников», то ими, в нарушение военных законов, ведомство полковника А. решило не заниматься, сбросив собственные обязанности на коммерсантов. А те и рады, «извлекают прибыль» из военнослужащих.

Странно все это! Ведь на содержание казарменно-жилищного фонда должны выделяться бюджетные средства, и немалые! Куда они уходят, если услуги фирмачей оплачивают военнослужащие из собственного кармана?

Эти вопросы я поставил перед ФСБ РФ, УБЭП ГУВД Ставропольского края, военной прокуратурой Ставропольского гарнизона. Но они игнорировали эти вопросы.

ТЫЛОВИКАМ ЗАКОН НЕ ПИСАН?

Не секрет, что террористические группировки охотятся за сведениями о сотрудниках ФСБ, их местожительстве, составе семей и т. п. Поэтому очень странно, что командование некоторых частей, принимая меры к усилению охраны штабов, не желают защитить своих военнослужащих «с тыла», то есть по месту их проживания.

Речь о коммерческих фирмах, которым отцы-командиры позволили собрать банк данных о военнослужащих, проживающих в домах и квартирах, находящихся в оперативном управлении частей.

Но ведь сведения о сотрудниках ФСБ отнесены к гостайне Указом Президента РФ от 24.01. 1998 г. №61.

– Нет, не отнесены! – отрицает это представитель командира пограничного Центра материального снабжения г. Ставрополя сержант-контрактница Елена Авдеева.

Отрицает, видимо, потому, что часть (между прочим, подразделения ФСБ!) заключила договоры на обслуживание специализированного жилищного фонда с ...коммерческими фирмами.

И это было б ничего, если б договоры не содержали условия, что фирмачи соберут банк данных о военнослужащих ФСБ, членах их семей, местах проживания в специализированном жилом фонде.

И фирмы, естественно, собрали всю информацию о военнослужащих, в том числе о самом командире части – полковнике А. Мол, надо же платежки присылать да деньги за коммуналку собирать...

Не боится ли командир части, что любой диверсант будет искать его не около воинской части, а возле служебной квартиры?!

Неужели командир и его зам. по тылу подполковник Л. не знают, что Приказ КГБ СССР №40, Устав внутренней службы ВС РФ возлагают обязанность по содержанию специализированного жилищного фонда исключительно на них – чтобы исключить утечку информации о своих сотрудниках.

Кстати, ранее все было по закону: всем специализированным жилищным фондом занималась воинская часть (заключала договоры и оплачивала коммуналку).

По другому и быть не могло, ведь Жилищный кодекс РФ однозначно возлагает обязанность оплаты на собственника.

Кроме того, согласно утвержденным Постановлением Правительства РФ от 30 июля 2004 г. №392 «Правилам оплаты» плата за содержание, ремонт жилья и коммунальные услуги должна поступать наймодателю, т. е. воинской части.

К сожалению, ту законопослушную часть расформировали и жилой фонд попал к Центру материального снабжения

А там решили заниматься не всем этим фондом, а всего лишь маленьким общежитием. Но как же с остальной частью фонда, находящегося, как и общага, в оперативном управле-

нии?

Тут что-то нечисто. Договоры на поставку коммуналки заключило ведомство полковника А. И по закону, конечно же, должно поставщикам все и оплатить.

Вместо этого командование переложило свои обязанности по оплате на своих пограничников...

Но ведь на содержание специализированного жилищного фонда должны выделяться бюджетные средства, и немалые. Я лично видел договоры на коммуналку, и везде прямо указывалось на бюджетный характер этих средств.

Потому-то и возникает у меня крамольный вопрос: «Куда исчезают эти огромные деньги, если командование, в превышение своих полномочий, возложило свои обязанности по оплате на военнослужащих? Это что, мошенничество в особо крупных размерах?!»

Чтобы исключить доступ к информации о своих сотрудниках, КГБ СССР и разработал Приказ №40, который обязал командование содержать свой спецжилфонд – либо домоуправлением, либо комендантом.

Подполковник Л. в принципе с этим согласен, но говорит: – Это ж надо составлять калькуляцию, а это займет много времени. Да и штат домоуправления надо согласовывать...

Вот так! И предлагает погранцам нести деньги той фирме, которая это требует (с его, надо полагать, согласия).

Но это же прямое нарушение закона: согласно договора, а также ЖК РФ, исключительно наймодатель имеет право

требовать внесения платежей.

Кроме того, ЖК РФ определяет, что наниматели жилья вносят плату за ЖКУ исключительно своей управляющей организации.

Кроме того, своими незаконными действиями командование части позволяет коммерческим фирмам наживаться за счет пограничников.

К примеру, коммерсанты жилищной ООО «ЖЭУ-15» ежемесячно собирают с жильцов 2 домов, находящихся в оперативном управлении части, около 100 тысяч рублей. На что, если дома – новые и никаких работ там в принципе делать не надо?!

Или другая фирма-посредник, «стригущая» свой процент от «переноски» денег от жильцов к себе, а затем – к производителям коммунальных услуг (ОАО «СГРЦ»).

Зачем погранцов заставляют «кормить» этого посредника, если дешевле отнести деньги в часть (как того требует закон).

Или другой пример. В 2007 г. Северо-Кавказское погрануправление ФСБ РФ было ликвидировано.

Несмотря на это, ОАО «СГРЦ» продолжало вписывать в платежные квитанции и брать деньги с жильцов за электроэнергию.

Куда исчезли эти немалые деньги, если погрануправления не существовало? Видимо, прокуратура заинтересуется этими вопросами...

«Ждите квартиру на пенсии»

Сокращение армии, как известно, коснется более 250 тысяч военно-служащих. Но без жилья, гарантированного законом, никого обещают не оставить.

Но можно ли верить этим обещаниям? Ведь сейчас по чужим углам мыкаются десятки тысяч семей военных. И никаких перспектив им даже не обещают. Более того, тысячи офицеров, отслуживших свое, не могут уволиться только по одной причине – отсутствие жилья. Уже и суды обязуют командиров дать квартиры да уволить. Но решения судов годами не исполняются. Причину всегда выдвигают наивно-простую: «Нет жилья».

Именно такую формулу озвучивают и в Ставрополе десяткам пограничников, которые давно выслужили все мыслимые сроки (некоторые еще 10 лет назад!). Мол, увольняйтесь, и ждите свои квартиры на пенсии.

Есть в Ставрополе квартиры для пограничников! Только они, как бы выразиться помягче, уведены «налево».

Причем схема «увода» очень проста: приезжали какие-нибудь полковники в Ставрополь, тут же получали служебное жилье, и вскоре его «расслужбебливали».

А потом уезжали к другому месту службы, не сдавая это жилье.

Говоря юридически, это способ незаконной передачи жилья из служебного фонда в собственность различным должностным лицам.

Военная прокуратура Ставропольского гарнизона выявила множество таких фактов. Причем закон нарушил самолично главный пограничник ЮФО – начальник Регионального погрануправления по ЮФО генерал Николай Лисинский. При убытии из Ставрополя он не сдал служебную квартиру.

Чего уж тут удивляться, что не сдал жилье и его водитель – прапорщик, и многие другие лица, переведенные отсюда.

Не сдали, кстати, даже представители военной прокуратуры. Так, майор юстиции Юрий Мавропуло давным-давно уехал в Волгоград, вообще в другое ведомство, а служебную квартиру пограничникам не отдал. Как, впрочем, не сдали и другие его коллеги.

Кстати, местные прокуроры с удивлением обнаружили полковника, который никогда не служил в Ставрополе, но получил здесь служебную квартирку – да еще в элитном доме.

Обнаружили и вовсе гражданскую женщину, которой не только дали жилье, но еще и с огромным превышением по метражу.

Правда, обнаружили не сразу. Поначалу на сигналы о беззакониях очень странно ответил помощник прокурора подполковник юстиции Сергей Печенкин – мол, нарушений никаких нет.

И лишь после вмешательства военного прокурора Северо-Кавказского военного округа подтвердились вопиющие

нарушения закона у пограничников.

К сожалению, прокурорское представление об устранении нарушений закона так и осталось на бумаге. Никто освободить незаконно удерживаемое жильё не торопится.

Кроме того, для прокуратуры осталось еще огромное поле деятельности для расследований. Причем факты нарушений долго искать не надо. Они зафиксированы даже в протоколах жилищной комиссии погранцов.

Цитирую: «Разрешить изменение статуса служебного жилья генерал-лейтенанту Путову».

Но ведь этот генерал давно уже служит на Камчатке! А ему и «расслужебили» квартиру в Ставрополе, и разрешили приватизировать!

Есть и другие вопросы к пограничным тыловикам.

К примеру, как типовая 10-этажка волшебным образом трансформировалась в 2 дома с разными порядковыми номерами? И почему эти дома стали короче на несколько метров?

Ведь миллионы из федеральной казны выделялись именно на большой типовой дом. А если он «укоротился», то куда «сократились» сэкономленные денежки?

И кому принадлежит земля под этими домами? И почему эти 2 дома стали «призраками», не числясь в списках ни федерального, ни муниципального имущества?

Или еще вопрос: каким чудом проектная 12-этажка стала 13-этажной, но с тем же количеством квартир?

А чудо объясняется очень просто: чердак приспособи-

ли под жилые квартиры, а «освободившийся» первый этаж «увели в сторону».

В свое время с того самого злосчастного чердака еле вырвалась семья офицера.

Они написали президенту страны: «Мы пострадали по вине начальника тыла генерала Федотова, который выдал нам чердак как постоянную квартиру. Ничего подобного (так называемого 13 этажа) в домах такой планировки в Ставрополе нет. Это „изобретение“ принадлежит тыловикам СКПУ. Мы стали жертвой эксперимента над живыми людьми!».

Тогда же проведенная проверка установила, что те чердачные «квартиры» действительно непригодны для проживания.

Это подтвердила по моему запросу и мэрия Ставрополя: «Выдача разрешения на проживание в помещениях, не являющихся жилыми, незаконна».

Странно, что прокуроры не заинтересовались вопросом, как квартиры первого этажа волшебным образом превратились в нежилые торговые точки. И кто стал владельцем этих магазинов?

Как видим, вопросов еще очень много. И разрешение их актуально именно сейчас, когда идет массовое сокращение армии. Ведь уволиться офицеры могут, только получив долгожданное жилье.

Отводят удар

Судя по теленовостям, судебные приставы стали самой могущественной силищей, перед которой не может устоять ни один должник: раз суд решил, – людей жестоко изгоняют из квартир, арестовывают их имущество, запрещают выезд из страны...

Но всегда ли так принципиально жестки приставы?

13 июня 2007 года военный суд Ставропольского гарнизона обязал директора ФСБ РФ обеспечить меня, согласно Федерального закона «О статусе военнослужащих», квартирой в Москве.

25 июля прошлого года судебное решение вступило в законную силу.

И что же, директор ФСБ поспешил, как то предусматривает закон, исполнить решение суда добровольно? Как бы не так!

Причем его не заставило выдать положенное по закону жилье даже то, что у нашего сынишки – детский церебральный паралич (а все серьезные медицинские центры сосредоточены именно в столице).

Это и вынудило мою жену Елену приехать в Москву, чтобы пикетировать здание ФСБ с требованием исполнить судебное решение.

НЕ помогло. Решение суда (между прочим, «Именем Рос-

сийской Федерации») уже больше года не исполняется!

Казалось бы, по закону – «в бой», в таком случае, должны были вступить всемогущие судебные приставы. И заставить нерадивого должника, невзирая на его высокое лицо, исполнить решение суда.

Однако судебные приставы, в нарушение закона «Об исполнительном производстве», ничегошеньки не предприняли для исполнения решения суда.

Поначалу они вообще промолчали. Затем, после моих неоднократных напоминаний сообщили, что исполнительные листы «долго бродят» между их структурными подразделениями в Москве.

И только по истечении 3 месяцев судебный пристав-исполнитель С. А. Бурында начал – таки работать по исполнительным листам.

Но начал работу с нарушения: незаконно вынес постановление о возвращении исполнительного документа в Ставропольский гарнизонный суд.

Естественно, я обжаловал действия этого самого Бурынды. И после служебной проверки тот вынужден был возбудить исполнительное производство.

Но, зачем-то выждав более месяца, Бурында опять обратился в Ставропольский военный суд – мол, разъясните мне способ и порядок исполнения исполнительного документа.

Причем материалов, подтверждающих свои реальные действия по исполнению исполнительных листов, в суд

не предоставил.

Соответственно, военный судья доводы Бурынды признал несостоятельными и необоснованными, ведь все действия приставов четко определены законом «Об исполнительном производстве».

И что же Бурында, внял решению суда и начал активно требовать исполнения решения суда? Как бы не так! Дело так и стояло.

Пришлось моей жене Елене повторно приезжать в Москву, выходить пикетом на Лубянскую площадь перед ФСБ, и требовать: «ФСБ, исполни решение суда!»

К сожалению, чинуши вновь игнорировали пикет (хотя закон их обязывал выйти и ответить на все вопросы).

Зато пристав проявил некоторое оживление. Бурында сочинил «Постановление об отложении исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения». В котором фактически обвинил Ставропольский суд в том, что тот якобы не ответил на его предыдущее послание.

Но самое смешное, что пристав просил «отвести удар» от должника (директора ФСБ), назначив другого должника, чином поменьше.

Что же делать при такой вот странной работе приставов? Ведь неисполнение решение суда сурово карается законом, причем уголовным!

А кто именно возбуждает дело по факту нарушения закона? Конечно же, наша прокуратура.

Однако мое обращение в Генеральную прокуратуру (о возбуждении уголовного дела по статье 315 УК РФ) закончилось отпиской из Главной военной прокуратуры.

Ответ был похож на «филькину грамоту», так как не содержал разъяснения по существу и не соответствовал уголовно-процессуальному законодательству России.

После моих многочисленных жалоб на такие вот странности военные прокуроры поначалу отмалчивались, а затем сообщили: мол, мы «не можем» возбуждать уголовные дела, а посему переправили Ваше обращение в следственный комитет.

Эта контора тоже долго отмалчивалась, а потом, после напоминаний, прислала отказ. Причем суть его сводилась к тому, что должник, мол, не имеет возможности исполнить решение суда...

Этот отказ очень изумил известного ставропольского адвоката Ирину Скорикову:

– Вступившие в законную силу судебные постановления обязательны для всех без исключения органов госвласти, должностных лиц, и подлежат неукоснительному исполнению. А неисполнение решения суда является преступлением, предусмотренным статьей 315 УК РФ.

– Может быть, тыловики правы, утверждая, что директор ФСБ не имеет возможности исполнить решение суда? – спрашиваю Ирину Николаевну.

– Нет. Для исполнения решения суда у директора ФСБ

России есть возможность. Ведь расходы на приобретение жилья для одного военнослужащего являются мизерными. Но даже если денег нет, директор был обязан заложить эти расходы в бюджет 2008 года.

P.S. Европейский Суд по правам человека обязал Российскую Федерацию исполнить решение суда и выделить мне жилье.

Не ту страну назвали Гондурасом

Что будет с наивным гражданином какой-нибудь банановой республики, если он будет добиваться справедливости? Правильно, гориллообразные стражи тут же арестуют наивного человека и отправят его в кутузку!

Почему я, житель мирного града Ставрополя, завел речь о людоедских порядках какой-либо Гондурасии? Да просто некоторые наши чиновники, обязанные стоять на страже законности, ведут себя совсем незаконно. Вот вам пример.

2 года назад, в июле 2006 года, мне позвонил следователь прокуратуры Промышленного района Ставрополя И. Г. Ионов, и попросил прибыть для рассмотрения моей жалобы (я сообщал о нарушении закона).

Я прибыл. На входе никого не было, и я свободно прошел к кабинету следователя. Однако тот был занят и попросил немного подождать. Я прошел к входу в здание, где находились стулья, и присел. И тут откуда-то вынырнула массивная женщина, села напротив меня, и потребовала доложить ей, к кому я пришел. Я пояснил, что к Ионову. Тогда женщина

потребовала у меня документы, чтобы выписать в какую-то мятую тетрадь мои личные данные.

Я пояснил, что являюсь сотрудником структурного подразделения ФСБ России (кроме того, я был одет в военную форму с погонами подполковника). И вежливо спросил, на основании какого документа эта женщина выписывает личные данные граждан России. Она в грубой форме ответила, что ничего пояснять не собирается.

В это время из кабинета вышел человек (как оказалось впоследствии, заместитель прокурора Р. М. Жекеев), который грубо спросил меня, к кому я пришел. Я ответил.

Теперь уже прокурорский работник потребовал у меня документы, а затем и сумку к досмотру. Я попросил его ответить, на основании какого документа. Мол, милиция обладает такими правами на основании ФЗ «О милиции». А он не является представителем МВД.

Вместо ответа Жекеев приказал женщине вызвать наряд милиции. А когда милиционеры прибыли, приказал им доставить меня, военнослужащего, в ОВД Промышленного района. И только на том основании, что я не предъявил ему лично свои документы и сумку к досмотру!

В это время к нам подходил следователь Ионов. Он не стал говорить, что сам и позвал меня сюда. Лишь сказал, что позвонит мне позже и пригласит в другой раз.

Ну, а меня, как в какой-нибудь банановой Гондурасии, под дулами автоматов препроводили в отдел милиции

(с формулировкой «не предъявил документы Р. М. Жекееву»).

По выходу из милиции я написал жалобу на имя прокурора Ставропольского края, наивно полагая, что незаконные действия прокурорского работника будут осуждены «вышестоящими товарищами». Но...

В декабре 2006 г. прокурор Промышленного района направил мне письмо. Читать его очень странно, оно походило на отписку, в которой отсутствует не только законность, но и здравый смысл.

Меня обвиняли в том, что я вроде бы отказывал «сотруднику ОВО» в предъявлении документов. Во дают! В прокурорском послании имелись и ложные данные – якобы женщина хотела записать мои данные на основании «распорядка по пропускному режиму в здании прокуратуры».

Но даже если допустить, что такой «распорядок» есть в прокуратуре, то он абсолютно незаконен. И противоречит статье 15 Конституции России.

В России ведь не введено чрезвычайное положение! И чиновники не могут самоуправно, по своей прихоти ограничивать вход граждан в общественные и иные здания.

В общем, прокурорская отписка вынудила меня обратиться к Уполномоченному по правам человека в Ставропольском крае. И в феврале 2007 года мне ответил начальник отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов прокуратуры Ставропольского края А. А. Чебышев.

Он сообщил: «По фактам, изложенным в вашем обращении о неправомерных действиях работников прокуратуры Промышленного района г. Ставрополя, в прокуратуре края проведена служебная проверка, по результатам которой изложенные в вашем обращении доводы не нашли своего объективного подтверждения».

Ну, дает! Ведь я лично ознакомился с материалами той «служебной проверки». И у меня сложилось мнение либо о полной некомпетентности лиц, проводивших проверку, либо о сознательном укрывательстве Жекеева, нарушившего закон.

Это сразу же видно по рапорту самого Жекеева. Он пишет, что в прокуратуру зашел мужчина в военной форме, «на просьбу сотрудника ФГУО РФ по СК предъявить документы не отреагировал и попытался пройти в здание прокуратуры, игнорируя законные требования В. Я. Щербак».

Разберем эту цитату подробнее:

– В прокуратуру зашел не бомж и не вооруженный пулеметом человек, а подполковник подразделения ФСБ РФ (что подтверждает сам Жекеев). Что в этом противоправного?

– На чем основана «просьба сотрудника ФГУО предъявить документы»? В материалах проверки содержится как раз запрет вахтеру требовать документы, тем более переписывать данные в какую-либо тетрадь.

– Приложение к договору о защите объектов горрайпрокуратур СК вообще не относится к делу, т. к. датировано

1 января 2007 г. (а меня незаконно задержали и отправили в милицию в июле 2006 г.).

– В приложении указан вид охраны: «с помощью ПЦО», а никак не вахтером на входе.

– Даже если допустить, что вахтер законен, то в его обязанности не входит проверка документов посетителей. Инструкция о пропускном режиме в здание прокуратуры по Промышленному району гласит: «Посетители пропускаются в здание в приемные дни и часы. При посещении граждан в неприемные часы, время входа фиксируется в журнале учета посетителей».

А меня пригласили как раз в приемные часы. Даже если допустить, что документы у меня требовал не сотрудник прокуратуры Жекеев, а «сотрудник милиции» вахтер Щербак, то и она грубо нарушила ФЗ «О милиции».

Ведь ст. 11 точно указывает причины проверки документов: если имеются достаточные основания подозревать их (лиц) в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске.

Из «материалов проверки» очевидно, что офицер ФСБ РФ в военной форме никем не подозревался в совершении преступления и ничего не нарушал.

Да и требовать у него документы сотрудница вневедомственной охраны не имела права – она сама находилась в прокуратуре незаконно, и в обязанностях даже сотрудников прокуратуры не предусмотрено требование документов

у посетителей (это бы противоречило закону).

Кроме того, в рапорте Жекеева содержатся сведения, противоречащие здравому смыслу. Если он пишет, что я – «неустановленный гражданин», то почему сразу же сообщил мою фамилию военной прокуратуре? Значит, знал, кто я!

В рапорте не сказано, на какие именно «законные требования сотрудника прокуратуры» я не реагировал. Ведь ФЗ «О прокуратуре» не содержит права сотрудников прокуратуры проверять документы и сумки посетителей. Значит, эти требования Жекеева нарушают и Конституцию, и другие законы России.

Нарушили закон и сотрудники вневедомственной охраны, вызванные по команде Жекеева. В любом случае они обязаны доставлять военнослужащего не в милицию, а в военную комендатуру.

Из объяснительных записок сотрудников вневедомственной охраны также понятно, что я ни одного закона не нарушил, и меня задержали абсолютно незаконно.

Вот цитата «вохровца»: «По прибытии на место вызова была установлена причина вызова наряда: неизвестный гражданин в форме подполковника на требования сотрудницы ВОХР предъявить документы ответил категорическим отказом, требуя предъявить документы, на основании которых сотрудница ВОХР имеет право требовать от него документы».

В чем заключается нарушение закона? В том, что я попро-

сил документально подтвердить требования вахтера? Так это не нарушение, а право любого гражданина России.

И если за вопрос (совершенно законный) этого гражданина под дулом автомата отправляют в милицию, то это и есть грубейшее нарушение прав и свобод. Причем нарушение – со стороны организации, которая обязана следить за соблюдением законности!

ДИАГНОЗ: «ОБЩАГА БЕЗЗАКОННАЯ»

Страшную военную тайну хранят стены пограничной общаги, разместившейся прямо над кабинетами... министерства жилищно-коммунального хозяйства Ставропольского края.

До того страшную, что при попытках ее раскрытия на меня обрушивался целый шквал неприятностей и бед, навевающих мрачные воспоминания о жутком 37-м годе.

Меня и спецслужбы искали, и прокуратура, устраивались нападения, а в главный штаб погранвойск шел поток кляуз «возмущенной общественности».

А тайна эта, денежного, конечно же, плана, чуть приоткрылась совершенно случайно. И, как это ни странно, с подачи командования Северо-Кавказского погрануправления ФСБ РФ, которое вдруг решило подать в суд на жильцов своей общаги – вроде как они не платят за проживание.

Судебный иск был и против известного на Ставрополье композитора, заслуженного артиста России старшего прапорщика Алексея Рощина (который прозябает с семьей в комнатухе той общаги).

– Это просто шокировало меня, – признается он. – Потому что вместо обеспечения нас квартирами командование вынуждает жить в общаге коридорного типа. Да еще неза-

конно берет с нас непонятные суммы. Именно незаконно – в течение десяти лет. Что и было доказано в суде.

Вот эту-то незаконность я и пытался безуспешно доказать в течение многих лет. И командование, и прокуратура в один голос отписывались – мол, поборы совершенно законны.

Я уже пошел на то, что написал генерал-лейтенанту Николаю Лисинскому (командовавшему тогда частью): «Как Вы отреагируете, если в Ваш кабинет приведут бабушку и скажут, что она будет у Вас сидеть, пить чай, и как бы Вас охранять? Причем оплачивать ее чаепития и пребывание будете Вы, из своего кармана».

И добавил, что примерно так поставлен вопрос в общеаг. Ведь, согласно калькуляции, штат здесь состоял из 11 человек. И это – на 2 небольших этажа в общежитии коридорного типа.

И денег с жильцов – на всех этих вахтерш, сантехников, электриков и даже кастелянш – собиралось почти 200 тысяч в год!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.